

ГЕОРГИЙ ФИЛАТОВ, МАКСИМ ЕВСТИГНЕЕВ*

ГРАММАТИКА, КАРТА, ТЕРАПИЯ**

МЕТАФОРЫ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА В ТВОРЧЕСТВЕ

Л. ВИТГЕНШТЕЙНА, Г. РАЙЛА И П. Ф. СТРОСОНА

Получено: 02.05.2024. Рецензировано: 20.03.2025. Принято: 20.08.2025.

Аннотация: Данная статья посвящена понятию философского анализа в творчестве трех классиков аналитической философии — Л. Витгенштейна, Г. Райла и П. Ф. Стросона. Их, как и многих современников, объединяет тезис о том, что философский анализ не открывает нового знания, а лишь проясняет то, что до этого было неясным. Однако, в отличие от мейнстрима аналитической философии XX в., особую роль перечисленные философы отводят метафилософским метафорам, при помощи которых объясняют собственные философские проекты. Метафоры в их творчестве представляют не просто иллюстрации к тезисам, но выступают «ходами» в рассуждениях. Райл сравнивает философский анализ с работой картографа. Эта метафора позволяет ему сформулировать доктрину анализа как доктрину концептуальной картографии. Витгенштейн, хотя и использует метафору карты, в центр своей метафилософской рефлексии помещает метафору терапии. Философская проблема — это болезнь, которую лечит философ-терапевт. Стросон оппонирует и Райлу, и Витгенштейну, сравнивая философский анализ с составлением пособия по грамматике. В этой модели цель анализа — выявление фундаментальной структуры нашего мышления. Обращение к данным метафорам позволяет нам показать, каким образом философы приходят к трем различным моделям анализа. Стросон настаивает на возможности систематической аналитической философии, эксплицирующей фундаментальную концептуальную схему. Витгенштейн же, напротив, считает, что

*Филатов Георгий Юрьевич, аспирант, стажер-исследователь, Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), gfilatov@hse.ru, ORCID: 0000-0003-2477-8864; Евстигнеев Максим Дмитриевич, аспирант, стажер-исследователь, Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mevstigneev@hse.ru, ORCID: 0000-0003-1391-4517.

**© Филатов Г. Ю.; Евстигнеев М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Авторы выражают благодарность Е. Г. Драгалиной-Черной, А. С. Бобровой, А. А. Мельникову и анонимному рецензенту журнала за комментарии и замечания к ранним версиям данного текста, а также участникам семинара МЛ ЛогЛинФФ «From the Logical Point of View», на котором первая версия текста была представлена.

анализ не может быть систематическим и преследует в первую очередь терапевтические цели. Райл занимает срединную позицию. Кроме того, наша реконструкция позволяет обратить внимание на то, что все три философа как будто выходят за пределы аналитических максим, под которыми они эксплицитно подписываются.

Ключевые слова: Стросон, Райл, Витгенштейн, метафилософия, анализ, обыденный язык.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-89-123.

Скорее образы, а не суждения, скорее метафоры, а не утверждения определяют большую часть наших философских убеждений.

Ричард Рорти

ВВЕДЕНИЕ

В книге «Философия и зеркало природы» (1979) Р. Рорти писал: «Едва ли кто-нибудь из аналитических философов сейчас будет пытаться объяснить, что значит осуществить анализ» (Rorty, 2018: 173). Этот вопрос, однако, играл большую роль в рассуждениях классиков аналитической философии.

Понятию анализа в работах трех таких классиков — Г. Райла, Л. Витгенштейна и П. Ф. Стросона — посвящена наша статья. Это понятие мы рассматриваем под, пожалуй, несколько неожиданным углом. Нас интересует не сама по себе доктрина философского анализа в работах этих философов, а скорее то, распаковкой каких метафор она объясняется.

Будучи авторами различных по цели и содержанию философских проектов, Витгенштейн, Райл и Стросон разделяли общий подход к процедуре философского анализа. Стросон называл его британской версией анализа и замечал, что, хотя британская философия и до Второй мировой войны, и после была захвачена идеей анализа, а также эта идея доминирует в американской послевоенной философии, британская послевоенная версия анализа сильно отличается как от американской версии, так и от довоенного анализа (Strawson, 1992b: 312; Strawson, 1956: 97).

Довоенный анализ, согласно Стросону, несмотря на все свое разнообразие¹, сводился к технике перевода или переформулировки, разрешающей философское затруднение. Одной из проблем такой модели анализа, однако, было несоответствие претензий и возможностей. И особенно

¹Стросон называет логических атомистов, Дж. Э. Мура и логических позитивистов в качестве проponentов этой программы (Strawson, 1956: 97).

оно проявлялось в отношении обыденной речи. Сторонники ранней модели анализа претендовали на то, что их парафраз позволяет раскрыть реальную логическую форму высказываний. Они имели на вооружении очень сильную, но и не менее спорную гипотезу, что парафраз действительно достигает поставленной цели. Эта гипотеза, согласно Стросону, никуда не годится и является просто видом философского догматизма (Strawson, 2011a: 32). И сам Стросон приложил руку к ее развенчанию (см.: Strawson, 1950).

Осознав несостоятельность довоенного анализа, философы оказались перед дилеммой: пожертвовать логической строгостью или обыденным языком². Американские аналитики выбрали второе, британские — первое (Strawson, 1956: 100–101).

Помимо акцента на обыденный язык, наших философов объединяет также характеристика анализа как операции, не приводящей к *новому* знанию. Практиковать философский анализ — значит отказаться от претензий на философские открытия. Единственная его цель — прояснение³.

Чтобы объяснить, что значит практиковать философский анализ, наши философы обращаются к различным идиомам, примерам и метафорам. Среди них мы выделим три центральные метафоры, с помощью которых они представляют свои метафилософские проекты. Анализ сравнивается с построением географической карты, составлением учебника по грамматике и терапевтической практикой. Первая метафора по преимуществу принадлежит Райлу, вторая — Стросону, а третья — Витгенштейну. Хотя в той или иной мере каждый из авторов обращается ко всем трем.

В творчестве героев нашей статьи эти метафоры занимают особое место, так как они являются не просто иллюстрациями к тезисам, а ходами в рассуждениях. Причем аналогия в таких случаях диктует то, *как* следует смотреть на философию. Более того, эти метафоры используются не только для прояснения собственной позиции, но и для

²Это, конечно, чрезвычайно схематичное описание. Американская версия анализа в лице У. В. О. Куайна и У. Селларса не оставляла претензий на обыденный язык, тем более что для них было естественно говорить, что научный язык является результатом развития и «усовершенствования» обыденного. Но — и здесь трудно не согласиться со Стросоном — обыденный язык интересовал их почти исключительно в качестве логического предка научного, а не сам по себе. «Математическая логика — наш обыденный язык», — шутливо заметил Куайн в теледискуссии со Стросоном и Д. Дэвидсоном (The Davidson..., 2021).

³Ср. с заявлением редакции, которое сопровождало учреждение философского журнала «Анализ» (A Statement of Policy, 1933: 1). Подробнее см. Krishnan, 2023: 125.

отграничения ее от конкурирующих. Особенно ярко это проявляется в случае Стросона, который эксплицитно обращается к сравнению метафор Райла и Витгенштейна со своей собственной.

Нам важно показать, как распаковка разных заглавных метафор позволяет предложить три проекта философского анализа, очень различающихся и по стилю, и по целям. Если обратить внимание на используемые метафоры, проясняется образ философской практики, из которого наши философы исходят в своем творчестве. Также это позволяет установить, какие теоретические обязательства они берут на себя, принимая на вооружение один из этих образов.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ Г. РАЙЛА

Райл открывает «Понятие ума»⁴ утверждением, что эта книга, с некоторыми оговорками, предлагает теорию ума или сознания. Но, предлагая теорию, «она не дает никакой новой информации об уме (*minds*)» (Ryle, 2009k: LIX), не выдвигает «новых психологических гипотез» (ibid.: 89): «составляющие эту книгу философские аргументы направлены не на обогащение нашего знания об уме (*minds*), но на уточнение логической географии знания, которым мы уже и так владеем» (ibid.: LIX).

Тезис об отсутствии приращения знания в философских рассуждениях важен для Райла. Хотя он и пишет, что «всякий строгий философский аргумент — это открытие» (Ryle, 2009j: 172), но лишь для того, чтобы затем заметить: «философия не раскрывает и не ищет новых положений дел. В некотором смысле [...] философ проливает новый свет⁵, но не дает новой информации» (ibid.: 173).

Итак, с первой же страницы Введения в «Понятие ума» Райл знакомит нас с одним из главных своих метафилософских понятий-метафор. С концептуальной или понятийной географией.

⁴Существует известная проблема с переводом слова «mind» на русский язык, недавно в очередной раз ставшая предметом споров в отечественном философском сообществе, в связи с энциклопедической статьей М. С. Сысоева «Модульная теория разума» (Сысоев, 2023): его можно переводить и как «ум», и как «сознание», и даже как «разум». Слово, подобно французскому *esprit*, очень многозначно, и уместить все многообразие его употребления в одном русском эквиваленте вряд ли кому-нибудь удастся. Поэтому, говоря о Райле, мы оставляем за собой свободу в выборе контекстуально лучше подходящего эквивалента.

⁵«Философы проливают новый свет в том смысле, что делают ясным то, что ранее было неясным, или очевидным то, что ранее было запутанным» (Ryle, 2009j: 174). Это устойчивый элемент риторики Райла. Так, например, рассуждая о величии Дж. Локка, Райл пишет: «он пролил новый свет там, где до этого была лишь тьма» (Ryle, 2009d: 132).

Многие люди могут осмысленно говорить с помощью понятий, но не могут осмысленно говорить о самих понятиях. Благодаря практике они знают, как обращаться с ними, во всяком случае, в знакомых полях. Но они не могут установить логические предписания, управляющие их употреблением. Они похожи на людей, ориентирующихся в собственном приходе, но не способных построить или прочесть его карту и еще в меньшей степени способных построить или прочесть карту региона или континента, на котором расположен их приход (Ryle, 2009k: LX).

Способность ориентироваться на месте, набор привычек и знакомство с местностью не делают людей компетентными в чтении или составлении ее карты. Можно годами ходить по одним и тем же дорогам или вдоль и поперек исходить какую-нибудь территорию, знать едва заметные глазу тропы, но при этом не иметь возможности найти их на карте или такую карту составить⁶ (ср. Таппеу, 2013: 98). Чтение и составление карты предполагает несколько иной набор навыков, чем просто способность найти дорогу. В других местах Райл говорит о различии между владением техникой и технологией: «одно дело — научиться делать что-то хорошо и правильно; совсем другое дело — быть способным рассказать, как делать это хорошо и правильно» (Ryle, 2009j: 335). Именно этим, согласно Райлу, и занимается его философ: «философия — это замена категориальных привычек категориальной дисциплиной» (Ryle, 2009k: LXI)⁷.

Иными словами, философская практика — особая практика, как бы надстраивающаяся над обыденным употреблением понятий, поднимающаяся над уровнем конкретного употребления и обзирающая с этого эшелона понятийный ландшафт, чтобы в итоге описать концептуальную географию местности. Работа философа-картографа, таким образом, должна отличаться от карикатурно описанного У. Селларсом близорукого анализа, прикованного к деталям и неспособного возвыситься до синоптической точки зрения (Sellars, 1991: 3). Именно такой точки зрения требует райловская метафорика: «философское исследование, как и географическое, с необходимостью является синоптическим. Философские проблемы не могут быть поставлены или решены по частям» (Ryle,

⁶ «Люди часто ориентируются на местности, не будучи при этом способными описать расстояния или направления между различными ее частями или между ней и какой-то другой местностью» (Ryle, 2009g: 210).

⁷ Ср.: «Будничное знание — это знание, но лишенное системы и проверок. Это знание по обычаю, а не по правилам» (ibid.: 211).

2009g: 211). Поскольку в философии мы всегда имеем дело с «паутиной взаимосвязанных понятий» (Ryle, 2009f: 196).

Итак, философ чертит концептуальную карту. Но зачем? С одной стороны, нам может быть просто интересно составлять карты. Построение концептуальной карты может быть ценным само по себе. Это, наверное, валидный ответ, но в любом случае не тот, который дает сам Райл. Д. Танней, резюмируя метафилософскую позицию Райла, пишет:

Понятие ума не только расчерчивает логическую географию наших ментальных понятий. Делая это, оно указывает на путь к избавлению от *проблемы сознание-тело*, *проблемы других сознаний* и *проблемы (необходимо) частных языков* (Tanney, 2009: LVII).

Книга добивается этого благодаря диагностике и обезвреживанию некоторых философских мифов, искажающих карту наших ментальных понятий. Причем «миф — это, конечно, не сказка. Это представление фактов, принадлежащих одной категории, в идиоме, свойственной другой. Соответственно, чтобы развеять миф, нужно не отрицать факты, а по-другому расположить их» (Ryle, 2009k: LX). Важно понимать, что Райл не считает сами по себе философские мифы злом. Так, например, по поводу главного предмета своей критики он замечает: «было бы неверно говорить, что миф о двух мирах не принес никаких теоретических благ. Мифы часто приносят много теоретических благ, пока они все еще новы» (ibid.: 13). Проблема картезианского мифа не просто в том, что он ложен, но также и в том, что его время прошло. Пора бы от него отказаться, но «старые мифы умирают тяжело» (ibid.: 22).

В разных текстах Райл выбирает несколько различное объяснение того, что он делает. В «Понятии ума» его техника работы сводится к корректному описанию логического места понятий на нашей концептуальной карте. Иногда складывается впечатление, что Райл полагает, будто следует при этом какому-то определенному методу. Но даже если он так и думает⁸, сложно выделить какой-то специфический метод помимо максимально общего: *внимательный анализ того, как выражения употребляются, какие выводы на основании такого употребления можно сделать, а какие нет.*

⁸За что его критиковал Дж. Остин: «идея, что эти аргументы представляют собой единый логический метод и ведут к четко обозначенным выводам, выглядит как предложенная задним умом и как иллюзорная» (Austin, 1970: 46–47).

В «Систематически вводящих в заблуждение выражениях» Райл более эксплицитен. Он пишет, что его задача сводится к поиску выражений, чья «синтаксическая форма не подходит для установленных фактов, а подходит для фактов другой логической формы» (Ryle, 2009i: 44), которые затем должны быть представлены в логической форме, более не вводящей в заблуждение (ibid.: 63–64). Философский анализ, таким образом, в качестве своей отправной точки исходит из факта логической путаницы в языке.

А в «Философских аргументах» он, двигаясь в русле уже известной нам метафоры, указывает, что главным философским «инструментом» является *reductio ad absurdum*. Аргумент в пользу *reductio* выглядит следующим образом:

Корректность географического исследования устанавливается двумя главными видами проверок: присутствие географического противоречия доказывает, что исследование ошибочно, но визуальные наблюдения являются позитивными свидетельствами в пользу его правдивости (Ryle, 2009g: 211).

Однако в философии, там, где мы имеем дело с логической силой идей, у нас нет ничего похожего на наблюдение. Остается один тест — *reductio ad absurdum*, тест на прочность, которому мы подвергаем наши философские построения.

Здесь, однако, у Райла возникает некоторое напряжение между систематическими и терапевтическими целями. Так, тон «Понятия ума» и «Систематически вводящих в заблуждение выражений», да даже и «Категорий» (Ryle, 2009a), во многом склоняет к мысли, что Райл представляет философское предприятие не как построение теории *ради самой теории*, а скорее как построение теории *ради избавления от ошибок*. Аргументы типа *reductio* призваны избавить нас от мифов, но при этом они все же выступают в качестве «краш-тестов» (Ryle, 2009g: 207). Но краш-тестов чего? Связи выражений и идей, которую мы находим в естественном языке? Имплицитных *теорий* естественного языка? Или философских попыток построить теории, основанные на том или ином аспекте употребления выражений?

Напряжение между систематическими и терапевтическими целями проявляется и в главной райловской метафоре. С одной стороны, карта, конечно, нужна, чтобы лучше ориентироваться на местности, чтобы не запутаться. Но, с другой стороны, карты бывают очень разными: карты полезных ископаемых, высот, ветров, политические карты. Такие карты могут служить не только для ориентирования, но и для настоящих

открытий. По ним можно также понять что-то об устройстве региона. И сам Райл в «Философских аргументах» пишет, что есть некоторые кардинальные или ключевые идеи, обнаружение и расстановка которых позволяет по крайней мере в общих чертах зафиксировать географию региона (Ryle, 2009g: 221).

«Понятие ума, — пишет Райл, — имеет центральный стратегический мотив. Философия сознания, я думал, была систематически искажена пониживающей все концептуальной ошибкой» (Ryle, 2009f: 196). Под последней Райл понимает разговор о человеке как состоящем из двух онтологически различных сущностей: ума и тела. Согласно этому способу думать, существуют вещи физического мира, но наряду с ними и другие, не физические, находящиеся в некотором «метафорическом месте» (Ryle, 2009k: 118). Повинен в этой ошибке Р. Декарт, который «оставил нам в наследство миф, продолжающий искажать континентальную географию предмета» (ibid.: LX). Этому мифу или догме Райл дал знаменитое имя — «догма о призраке в машине». Он заявляет, что надеется

показать, что она целиком и полностью ложна, и ложна не в деталях, а в своих принципах. Она не является просто набором конкретных ошибок. Это одна большая ошибка, и ошибка особого вида. Это категориальная ошибка. Она представляет факты ментальной жизни как принадлежащие одному логическому типу или категории (или набору типов или категорий), в то время как в действительности они принадлежат к другой. Таким образом, эта догма является философским мифом (ibid.: 5–6).

Итак, догма о призраке в машине должна быть отброшена. И *философия-qua-картография* должна как-то в этом помочь. По-видимому, Декарт каким-то образом повинен в составлении неправильной концептуальной карты (карты, в которой между регионом ментального и физического пролегает непреодолимое препятствие). Однако декартов способ рисовать оказался заразительным, и философы начали следовать его карте, разрабатывая и дополняя ее. В нем было что-то привлекательное, что-то, что заставляло философов принимать картезианскую языковую игру. И действительно:

...одним из ключевых интеллектуальных истоков [...] картезианской категориальной ошибки, кажется, является следующий. Когда Галилей показал, что его методы научного открытия достаточны для разработки механистической теории, которая должна покрыть все, что занимает место в пространстве, Декарт обнаружил в себе два конфликтующих мотива. Будучи гениальным

ученым, он не мог не поддержать утверждения механики. Но будучи человеком религиозным и моральным, он не мог, подобно Гоббсу, принять обескураживающий аллонж к этим утверждениям. А именно, что человеческая природа отличается от часов только степенью сложности. Ментальное не может быть лишь вариантом механического (Ryle, 2009k: 8)⁹.

Категориальная география Райла должна позволить составить карту ментальных понятий, из которой будет ясно, что догма о призраке в машине — это просто миф, результат некорректного размещения понятий друг относительно друга. После того как карта будет построена, мы сможем закончить блуждание в зачарованном лесу, а вместе с ним и распрощаться, например, с традиционным нововременным скептицизмом — солипсизмом (ibid.: 138)¹⁰. Картезианский миф подобен недугу:

...могу заверить, что допущения, против которых я наиболее жарко выступаю, — это допущения, чьей жертвой был я сам. В первую очередь я пытаюсь избавиться от расстройства в своей собственной системе. Только затем я надеюсь помочь другим теоретикам распознать нашу болезнь и пожать плоды моего лечения (ibid.: LXI).

Уместно, однако, задать вопрос: что Райл оставляет взамен старого мифа? Что остается после того, как чары лишатся власти? В конце концов, что-то должно взять на себя функции, которые выполнял старый миф. Селларс в последних строчках «Эмпиризма и философии сознания» заметил: «я использовал миф, чтобы убить миф» (Селларс, Рогонян, 2021: 145). Когда чары мифа о данном развеиваются, мы обнаруживаем в своих руках другое объяснение, другую *теорию*. Когда картезианский миф развеивается, с чем мы остаемся?

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Если бы ответ на завершающий предшествующий параграф вопрос был доверен Людвигу Витгенштейну, он бы, вероятно, сказал: развенчи-

⁹Ср.: «то, что мы испытываем в себе таким образом, что сможем допустить это и в телах неодушевленных, должно приписать только нашему телу; наоборот, все то, что, по нашему мнению, никоим образом не может принадлежать телу, должно быть приписано нашей душе» (Декарт, Сынопалов, 1989: 483); «Ньютоновская система уже давно не единственная парадигма естественных наук. Отрицание того, что человек — это призрак в машине, не обязательно низводит его до машины. В конце концов, он может быть видом животного, а именно высшим приматом» (Ryle, 2009k: 301).

¹⁰Солипсизм также является важной целью критики для Витгенштейна и Стросона. Им важно показать, что эта доктрина является следствием непонимания функционирования целого класса ментальных понятий.

вая мифы, философия не просто не обязана, но, более того, *не должна* выдвигать каких-либо теорий в качестве кандидатов на освободившееся место. Ведь наш язык «уже полностью упорядочен» (цит. по: Вайсман, Анашвили, 1998: 45), и задача философии состоит лишь в том, чтобы *ясно показать* нам этот порядок, когда мы в этом нуждаемся¹¹.

Мы не собираемся каким-то неслыханным образом очищать или дополнять систему правил употребления наших слов.

Ибо ясность, к которой мы стремимся, — это, право же, *исчерпывающая* ясность. А это просто-напросто означает, что философские проблемы должны *совершенно* исчезнуть.

Подлинное открытие заключается в том, что, когда захочешь, обретаешь способность перестать философствовать. — В том, что философия умиротворяется, так что ее больше не лихорадят вопросы, ставящие под сомнение ее самое (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 131).

Так, вопреки Аристотелю, философия для Витгенштейна начинается не с *удивления*, но с *затруднения*.

Чудо природы (кристалл), естественно, может удивлять и математика; но способен ли он удивляться и тогда, когда *созерцаемое* оказывается несколько проблематичным? Действительно ли это возможно и при том, что удивляющее, изумляющее *окутано* философским туманом? [...] его восхищение получит травму, и его придется *подлечивать*¹².

Философские проблемы, таким образом, имеют форму «Я в тупике» (там же: 130) и приводят нас в состояние «философского замешательства» (Витгенштейн, Суровцев и Иткин, 2008: 53). Главную причину этих «философских недомоганий» Витгенштейн усматривает в «однообразной диете», следуя которой, «люди питают свое мышление только одним видом примеров» (там же: 241). Исходя из этого, в самом основании своего, по некоторым оценкам, *антифилософского* проекта Витгенштейн пересматривает традиционный взгляд на философию как на некоторую всеобъемлющую теорию или учение в пользу представления о философии как о *деятельности*¹³, сводящейся к особому виду

¹¹Так как «путаницы, занимающие нас, возникают тогда, когда язык находится на холостом ходу, а не тогда, когда он работает» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 131).

¹²Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994a: 464. Курсив наш. — Г. Ф., М. Е.

¹³См. «Логико-философский трактат» (ЛФТ), 4.112. Здесь и далее мы цитируем «Логико-философский трактат», используя только номер афоризма, по изданию: Витгенштейн, Лахути и Доброправов, 2017.

терапии, в рамках которой философ не ставит, но *лечит* вопрос — «как болезнь» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 175).

Райл и Стросон очень серьезно относятся к метафилософским метафорам, но случай Витгенштейна особый: он демонстрирует последовательную приверженность более радикальному подходу к процедуре философского анализа. Метафоры в его творчестве выступают не дидактическими помощниками теоретика, но медицинскими инструментами практика, предупреждающего зарождение и развитие теоретических заболеваний¹⁴. Причем такой подход свойственен как «довоенной», так и «послевоенной» фазе его творчества¹⁵.

Впервые данная стратегия проявляется еще в дотрактатных заметках 1913–1914 гг., где Витгенштейн, обсуждая теорию типов Б. Рассела, что характерно, фиксирует «*затруднение*»¹⁶, которое чувствуется относительно типов». Так, призванный показать выход из лабиринта «Алфавита понятий» Г. Фреге¹⁷ подход Рассела получает у начинающего диагноста-Витгенштейна неутешительный вердикт «невозможного» (Витгенштейн,

¹⁴С этим связан ряд известных интерпретационных трудностей. Так, например, открывая свою монографию говорящим названием «Философия как терапия», Дж. Питерман отмечает, что затруднения, возникающие при анализе терапевтической программы Витгенштейна, в первую очередь связаны с его афористичным стилем письма и общим довлеющим метафорическим характером рассуждений (Peterman, 1992: 14).

На эту особенность также обращал внимание Райл. Рассуждая, почему Витгенштейн пришел к тезису о бессмысленности философских утверждений, Райл заметил, что Витгенштейн при работе над «Трактатом» «находился под чересчур сильным влиянием своих собственных аналогий между говорением и изготовлением карт, диаграмм и графиков» (Ryle, 2009e: 262–263). Ср.: «Возможно, язык карт обладает ограничениями, от которых свободен язык слов; и возможно, понятие смысла шире, чем понятие истинности или ложности в отношении эмпирического факта», — также замечает Райл по поводу «Замечаний по основаниям математики» (Ryle, 2009h: 274).

¹⁵В контексте философии Витгенштейна это разделение, конечно, довольно условно. Воплощенный в серии посмертно изданных поздних работ проект был заложен философом задолго до начала войны. Скорее уместно было бы говорить (1) о философии «Трактата», также включающей короткий феноменологический период (см. Витгенштейн, Суровцев, 2015е), и (2) о «посттрактатной» философии, отказывающейся от примата логической формы и переходящей к анализу обыденного языка (после 1929 г.). Данный переход, что характерно, оказал существенное влияние на общую тенденцию в аналитической философии, которая в полной мере была реализована уже в послевоенные годы и зафиксирована Стросоном в используемой нами дистинкции.

¹⁶Курсив наш. — Г. Ф., М. Е.

¹⁷Как замечает Р. Монк, размышления над парадоксом Рассела выступили отправной точкой философско-логических штудий Витгенштейна еще во время его учебы в Манчестере в 1909 г., за два года до личного знакомства с Расселом и Фреге и за пять лет до диктовки рассматриваемых заметок (Монк, Васильева, 2018: 47–49).

Суровцев, 2015с: 179), лишь купирующего, но никак не разрешающего первоначальное затруднение. Уже в поздних заметках он напишет:

Глубоко проникнуть в затруднение — вот что трудно. Ведь поверхностно схваченное, оно так и останется затруднением. Его нужно вырвать с корнями; а значит, нужно начать думать об этих вещах по-новому (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994а: 454).

Предложенное философом решение, снимающее затруднение относительно теории типов, действительно предлагало новый, весьма радикальный подход, выступивший одним из центральных метафилософских инструментов его проекта. Речь идет о разделении на то, что может быть *сказано*, и то, что лишь *показывает* себя¹⁸.

Итак, проблема теории типов состоит не в ее логическом аппарате или технических решениях, но, шире, в самом ее *теоретическом* статусе. Как и любая другая *теория*, теория Рассела, прослеживая отношения между типами, пытается *сказать* нечто о них, «когда можно говорить только о символах» (Витгенштейн, Суровцев, 2015с: 179–180). Вместо этого нужно буквально *увидеть* отношения между типами, а не описывать их. Витгенштейн настаивает и одновременно предупреждает нас, что если мы действительно хотим выйти из намеченного затруднения, то любая попытка языкового выражения этих «отношений» всегда уже будет обречена на провал: мы можем лишь постараться указать на них, прибегая к иносказанию. Ведь «ясно, что это отношение не является отношением в обычном смысле» (Витгенштейн, Суровцев, 2015b: 227).

Предлагая обеспокоенному фундаментальными вопросами логики читателю лечь на кушетку и пройти философскую терапию, Витгенштейн прибегает к своему первому иносказанию и «называет» *внутренними* отношения «между типами, которые не могут быть выражены в предложении, но во всем показываются в самих символах и могут быть систематически проявлены в тавтологиях» (Витгенштейн, Суровцев, 2015с: 191). Полагаемые, с одной стороны, в противопоставлении, но с другой — *подобно* внешним, обычным отношениям, внутренние «отношения» в конечном счете *отношениями не являются* и выступают, таким образом, в качестве своеобразной философской или логической метафоры или аналогии. Более того, сама логика, обладающая трансцендентальным

¹⁸Стоит отметить, что, несмотря на сохраняющийся магистральный статус данной метафилософской дистинкции, менялись терминологические решения. Так, в позднем творчестве на смену *сказанному* (*gesagt*) и *показанному* (*gezeigt*) приходит дихотомия *правила* и *его применения*. См., например: Mácha, 2015: 83.

статусом, также облачается философом в метафорические одежды: она предстает *не теорией*, но *отражением* мира¹⁹, в то время как ее предложения — тавтологии, — что характерно, не являются предложениями в *обычном смысле*. Они «описывают [...] или, скорее, изображают» (6.124) логические строительные леса мира, но не говорят ничего (4.461), они «являются предельными случаями комбинации знаков, а именно — их исчезновением» (4.466)²⁰. Так, уже с первых текстов философия Витгенштейна существенно опирается на конструкцию логико-философских метафор и аналогий. Все ее фундаментальные понятия²¹ — будь то внутренние отношения и свойства или имена и объекты — служат лишь целям реализации процедуры анализа, по завершении которой они испаряются и исчезают.

На вопрос «что должна показывать философия?» можно дать два принципиально разных ответа. С одной стороны, показывается логическая структура мира (6.12), с другой — «выход из мухоловки» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 186). И если содержание первого ответа в творчестве Витгенштейна претерпевает весьма существенные перемены²², то относительно второго мы видим удивительное постоянство²³, проявляющееся в серии образов, которые служат единой заглавной метафоре — метафоре терапии. Она, хотя и не вполне эксплицитно, уже оформляется в 6-й группе афоризмов «Трактата»²⁴, в рамках кото-

¹⁹ «Логика не теория, а отражение мира. Логика трансцендентальна» (6.13).

²⁰ Последнее роднит тавтологии с противоречиями: и те, и другие играют особую роль в формальной конструкции «Трактата», являясь «частью символики, подобно тому как „0“ есть часть символики арифметики» (4.4611). Здесь также можно обнаружить и предпосылки метафоры высказывания как измерительного прибора, к которой философ обращается в раннем (2.1511–2.15121) и, с рядом уточнений, в позднем творчестве: «высказывание так же относится к реальности, как измерительный стержень к объекту измерения» (Витгенштейн, Михайлова, 1993: 278).

²¹ Последние, что характерно, получают статус псевдопонятий (*die Scheinbegriffe*), а предложения, их содержащие, — статус псевдопредложений (*die Scheinsätze*) соответственно.

²² Заставляющие исследователей раз за разом задаваться вопросами о корректной системе периодизации творчества философа. См., например, обстоятельную статью с весьма говорящим названием «Сколько всего существует Витгенштейнов?» («How Many Wittgensteins?»; Stern, 2005).

²³ Примечательно, что на протяжении всего своего творчества Витгенштейн настаивает на исключительно логическом характере своего предприятия. Даже рассуждая о цвете в одной из своих последних работ, он отмечает, что ищет не «теорию цвета», но «логику цветовых понятий» (Витгенштейн, Ильина, 2020: 16, 40).

²⁴ Здесь стоит отметить, что существует дискуссия о том, корректно ли характеризовать ЛФТ в качестве отправной точки терапевтического проекта Витгенштейна или только

рой область употребления рассмотренного метафилософского аппарата расширяется до сферы этики²⁵:

Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы.

(Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит.) (6.521).

Подобно логическим предложениям, предложения этики не описывают реальность, но выступают в качестве как бы метафорических иллюстраций, служащих общей цели достижения ясности и исчезающих вместе с проблемами, по поводу которых они были «высказаны». Тем самым этические предложения демонстрируют свой инструментальный статус, встраивающийся в общий метафилософский проект по борьбе с концептуальными затруднениями²⁶. Так возникает образ трактатной лестницы — лестницы, которую надлежит отбросить после успешного восхождения (6.54).

Весьма показателен здесь терминологический выбор Дж. Питермана, характеризующего терапевтический проект Витгенштейна в качестве именно этической терапии, направленной на «устранение препятствий, мешающих реализовать определенное отношение (*attitude*) к миру» (Petersman, 1992: 3, 11). В «Трактате» — с опорой на идеальный язык²⁷, в «Некоторых замечаниях о логической форме» — с опорой на язык феноменологически данного, наконец, в текстах начиная с «Философских заметок» и «Голубой книги» — с опорой на обыденный язык, Витгенштейн по-разному решает единую задачу этического врачевания, призванного избавить нас от философской сумятицы.

Впрочем, переход от «довоенной» фазы философии Витгенштейна к «послевоенной» характерен не только сменой объекта его философского анализа с идеального языка логики на наш естественный, повседневный язык, но и общей тенденцией отхода от систематичности,

в качестве предтечи его философской терапии. См., например: Goldstein, 2002: 429, 436; Petersman, 1992: 13.

²⁵И, как следствие, также и эстетической сферы (см. 6.421).

²⁶Показательна в этом контексте сравнительно молодая традиция аналитической интерпретации ЛФТ, получившая название «этического прочтения» и отталкивающаяся от тезиса о совпадении этического и метафилософского аспектов «Трактата». Подробнее см. Родин, 2021.

²⁷Вопрос о валидности разделения на идеальный и обыденный языки в контексте интерпретации раннего творчества Витгенштейна является дискуссионным. См., например: Суровцев, 2021: 195–196.

утверждающей примат некоторой фундаментальной логической формы, а также единые стандарты точности, в направлении стремления к *исчерпывающей ясности*. И если в «Трактате» Витгенштейн, хотя и не занимается построением *теории*, все же сохраняет претензию на систематическое изложение своего проекта²⁸, то в поздний период его творчества терапевтическая программа явно отмежевывается от систематичности и, более того, выступает ее противопоставлением.

«Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано» (4.116) — эта максима хорошо работает в отношении идеального языка логики, но она разбивается о реальный язык человеческой коммуникации. Если требованием к ясному выражению выступает его согласование с общей формой предложения²⁹, то выражает ли что-то шутка, разряжающая напряженное молчание, инструктаж по технике безопасности или неаполитанский жест презрения?³⁰ В полной ли мере ясными покажутся актеру указания оператора встать на 322 мм правее и на 578 мм ближе к кинокамере? Стремимся ли мы получить фотографически точное изображение, обращаясь к художнику-портретисту?

Применение продиктованных идеальными теоретическими моделями внешних стандартов зачастую не отвечает условиям нашей живой практической деятельности. Иногда весьма приблизительный эскиз или набросок оказывается предпочтительней и яснее, чем точный чертеж, ведь «единый идеал точности не предусмотрен; мы не знаем, что нужно понимать под ним, — пока сами не установим, что следует называть таковым» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 121). Последнее объясняет существенные сложности, которые могут возникнуть в процессе точной фиксации значений, казалось бы, весьма повседневных и часто употребляемых понятий, а также неуспешность попыток схватывания некоторых достаточно общих их классов с помощью единого генерализующего понятия. И вызвано это тем, что, в отличие от зафиксированных внешне теоретических концептов, понятия обыденного языка (в том числе и наиболее фундаментальные) одновременно и конституируют нашу практическую деятельность, и меняются в ее процессе. Снимая

²⁸Так, например, уже упомянутые внутренние свойства и отношения в ранней философии Витгенштейна «систематически проявлены в тавтологиях» (Витгенштейн, Суровцев, 2015с: 191), и, что важно, единственным, *окончательно верным* способом (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2017: 34).

²⁹См. ЛФТ, 6.

³⁰См. Монк, Васильева, 2018: 270–271.

это затруднение, Витгенштейн вновь обращается к целому ряду метафор: сравнению слов и инструментов, выделению общих их признаков по «семейному сходству» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 84–86, 110–111) и т. п. Общим же ответом на эту проблему выступает тезис о потенциально безграничном многообразии методов, которые могут быть применены для анализа, учитывающего конкретные коммуникационные контексты.

Философия не может быть теорией: описывая грамматику выражений, философ-терапевт не стремится построить какой-то истинной *картины мира*. Напротив, как замечает Ф. Хатчинсон, его задача состоит в том, чтобы «разрушить власть этой философской картины над собеседником, то есть показать ему, что есть и другие способы видения вещей» (Hutchinson, 2007: 694). Равно как есть и различные способы указания на них. В соответствии с этим Витгенштейн утверждает, что «нет какого-то одного метода философии, а есть методы наподобие различных терапий» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 132). Именно поэтому среди героев нашей статьи он не только наиболее «иллюстративен», но и, вероятно, наименее «аналитичен»³¹: «философский анализ не говорит нам чего-либо нового о мысли (а если и говорит, то нам это неинтересно)» (Витгенштейн, Михайлова, 1993: 303).

В конечном счете цель терапевтического проекта Витгенштейна состоит не в выработке некоторой доктрины анализа, но в деятельности по прояснению мыслей, инструментально прибегающей к различным аналитическим оптикам, не обладающим значимостью вне своих конкретных задач. Как в одной из своих поздних работ замечает Г. Бейкер, «предприятие Витгенштейна имеет больше общего с сеансами психотерапии, чем с дидактическими презентациями логической географии языка» (Baker, 2004: 145). Это подобие отмечал и сам Витгенштейн. Став профессором Кембриджа, он представил комитету машинописный текст, половина страниц которого была посвящена идее подобия философии и психоанализа (Bouwtsma, 1984: 36). Впрочем, несмотря на ряд сходств, Фрейд в значительной степени занят именно анализом. Причем анализом «довоенного» толка — предприятие Фрейда также призвано внести *ясность*, но опирается на систему, что отличает его от принципиально несистематичной терапевтической философии.

³¹Обстоятельный анализ релевантности и ценности вопроса «был ли Витгенштейн аналитическим философом?» см. в: Glock, 2004.

На что же похожа предлагаемая Витгенштейном терапия? Пафос его проекта, очевидно, идет дальше паллиативных и патогенетических методов лечения, борющихся лишь с симптомами и механизмами заболевания. Терапевтическая философия претендует на статус этиотропного подхода, направленного на устранение самих причин болезни, и идет еще дальше, ведь по завершении философской терапии «решается не *одна* проблема, а проблемы (устраняются трудности)» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 131). Между тем ни Витгенштейн, ни его многочисленные последователи не предлагают конкретных, точно выверенных методов лечения, всегда уже подразумевающих некоторый первоначальный систематический взгляд на природу заболевания. Они не выпишут рецепт на подходящий препарат и не назначат метафизическую ампутацию с последующим логическим протезированием. Исходя из самой специфики философской хвори, деятельность философа-терапевта не сводится к препарированию или какому-либо иному вмешательству в «концептуальное тело», скорее она ближе к работе врача-реабилитолога, помогающего обрести утерянные вследствие травмы способности, что каждый раз предполагает особенную программу по восстановлению, уникальную для каждого конкретного случая.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ П. Ф. СТРОСОНА

Как и старшие современники, Стросон замечает, что философия начинается с некоторого затруднения. Иногда вместо того, чтобы просто использовать наши понятия и формы речи, мы размышляем о них и об их употреблении. Такие размышления порой влекут к утверждениям, которые мы просто не готовы принять, они противоречат здравому смыслу и просто неприемлемы. «Но такие выводы, хотя и неприемлемы, могут казаться неизбежными. В этой ситуации имеет место некое концептуальное искажение» (Strawson, 1956: 106). Задача философии, таким образом, — от него избавиться.

Наличие такого рода искажений и расстройств в нашей системе обыденных понятий играет важную роль в стросоновском обосновании своего философского проекта. Обращение к обыденному языку, а не к логическим конструкциям в искусственном языке отчасти мотивировано тем, что, в конце концов, именно обыденный язык является

источником философского затруднения³². Разрешение же затруднения обыденного, естественного языка посредством замены его искусственным будет подобно протягиванию учебника по физиологии тому, кто со вздохом замечает, что «желал бы понимать работу человеческого сердца» (Strawson, 1963: 505)³³.

Таким образом, концептуальное искажение или «потеря баланса» (ibid.: 515) нуждается в исправлении, в некоторой терапии. Стросон, однако, не останавливается на этом терапевтическом характере философии. Эксплицитнее всего он проговаривает свою позицию на контрасте с «Философскими исследованиями» Витгенштейна: в рецензии на них³⁴ он выделяет два аспекта, в которых Витгенштейн предположительно перегнул палку.

Во-первых, Стросон замечает:

...даже если мы *начнем* с терапевтической целью, наш интерес может не исчерпаться ее достижением; может иметь место исследование логики набора понятий, которое начинается, не имея в качестве цели ничего иного, кроме как раскрытия и упорядочивания сложностей ради себя самого. Желание систематически представить факты выходит здесь на первый план, в то время как терапевтические задачи становятся вторичными (Strawson, 1954b: 78).

Сопротивление всякой систематичности, согласно Стросону, привело к тому, что Витгенштейн просто отбрасывает проект по экспликации отношения между наиболее общими понятиями или категориями нашей концептуальной схемы (Strawson, 1998: 20). Терапевтическая цель не обязательно исключает систематическую. Они вполне могут сосуществовать. Аргумент Витгенштейна в пользу исключительно терапевтической философии скорее носит этический или даже личный характер, на что Стросон готов ответить, что он — «*élitist liberal bourgeois*» (ibid.: 16).

Размышляя о состоянии «оксфордского анализа», Стросон замечал, что к 1960-м гг. у философов его круга возникло понимание, что сам

³²Он будет источником не потому, что сам по себе ведет к противоречиям, а потому, что, задаваясь общими философскими вопросами, мы опираемся на одни аспекты употребления выражений и опускаем другие.

³³Ср.: «Говорят, что лучшая концептуальная схема, лучшая система идей — это та, которая лучше всего нам подходит (*one that gets us around best*) [...] Для того, кто готов провести свою жизнь — по крайней мере интеллектуальную — в сухой атмосфере науки, выбор будет одним. Для того, кто готов провести *свою* интеллектуальную жизнь в более влажной земной атмосфере — в том, что в другой традиции было названо „*expérience vécue*“ — выбор будет другим» (Strawson, 2011c: 177).

³⁴Кстати, заказанной Райлом.

по себе метод лингвистического анализа, взращиваемый в Оксфорде, не удовлетворяет «всем потребностям философского исследования»: он «не способен удовлетворить непреходящее желание общности, желание раскрытия объединяющих паттернов и структур нашей концепции мира» (Strawson, 2011b: 74)³⁵. Стросон даже полагает, что уже Райл и Витгенштейн выступали за более систематический характер философского исследования. Первый эксплицитно³⁶, второй (по-видимому, в том числе и для себя самого) имплицитно (ibid.: 76).

Во-вторых, критикуя систематические, метафизические философские проекты, Витгенштейн как будто критикует их амбициозные версии — те, которые желают предложить новый способ думать и смотреть на вещи³⁷. Но здесь возникает закономерный вопрос: не можем ли мы «найти место для очищенного вида метафизики с более скромными и менее спорными претензиями, чем старая» (Strawson, 1954b: 78)?

Стросоновская «реабилитация метафизики» (см. Nacker, 2003) во многом мотивирована желанием найти в новой британской модели лингвистической философии место для фундаментального исследования, которое бы было посвящено не борьбе с конкретными концептуальными затруднениями, а в целом было бы направлено на экспликацию нашей фундаментальной концептуальной схемы — набора связанных друг с другом понятий, в которые облачается все наше мышление о мире. Следует не только описывать употребление понятий, но и пытаться найти ответы на вопросы, почему понятия работают так, а не иначе (Strawson, 1956: 107). Последнее, однако, предполагает не генеалогию понятий, а скорее исследование того, что должно быть истинно о нас и о мире, в котором мы находимся, чтобы наши мысли о себе и о нем были такими, какими они являются. Такое исследование по праву будет носить имя метафизики и являться наиболее «общим и фундаментальным» (Strawson, 1966: 18).

Новая метафизика, по замыслу Стросона, отличается от традиционного концептуального анализа не своими намерениями, а «охватом

³⁵Ср. Strawson, 1998: 12. Схожее замечание сделал и Б. Уильямс в телепередаче, посвященной лингвистической философии (см. Williams & Magee, 2022).

³⁶Ср., например, с тем, как Райл отмежевывается от проекта Остина: «Для исследования категориальных требований обращение к различиям в видах говорения (*saying-type*) не релевантно. Для исследования различных видов говорения нерелевантны обращения к категориальным требованиям (*category-requirements*). Неудачные выражения (*infelicities*) и абсурдности даже не пересекаются» (Ryle, 1970: 15).

³⁷Ср. Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 205–206.

и общностью» (Strawson, 2003: 9). Она стремится дать наиболее общее описание связи наших фундаментальных понятий. Причем эти фундаментальные понятия обладают исторической неизменностью. То есть, хотя понятия, в которых мы мыслим о себе и о мире, и претерпевали значительные исторические изменения, но концептуальная схема, на которую Стросон нацелился, сама по себе не исторична, она скорее является сценой, на которой можно увидеть смену различных понятий. В противовес Р. Д. Коллингвуду³⁸ Стросон утверждает, что метафизика не сводится к исследованию *исторических* пресуппозиций мышления, ведь, помимо сменяющихся способов говорить и думать, есть и такие, которые не имеют обозримой истории (ibid.: 10).

Итак, Стросон говорит о двух видах метафизического исследования, получающих в идиоме «Индивидов» названия «пересматривающего» и «дескриптивного» (ibid.: 9). В то время как пересматривающая метафизика, вооруженная внешними стандартами логической ясности, обоснованности или полноты, стремится улучшить нашу концептуальную схему или предложить новую³⁹, дескриптивная претендует лишь на экспликацию действительной концептуальной схемы.

Экспликация фундаментальной концептуальной схемы по праву может называться анализом, ведь она «не обещает никакого нового раскрывающего что-то взгляда» (Strawson, 1992a: 2). Это отличает дескриптивную метафизику и от довоенного британского анализа, и от

³⁸Стросон эксплицитно противопоставляет себя Коллингвуду в «Скептицизме и натурализме» (Strawson, 1985b: 26). Неисторичность фундаментальной концептуальной схемы также играет значительную роль в его интерпретации «Критики чистого разума» И. Канта. Так, он пишет, что «Критика чистого разума» была бы куда менее интересной работой, если бы ее значение сводилось *просто* к экспликации пресуппозиций науки кантовского времени (Strawson, 1966: 120). Подробнее о Стросоне и Коллингвуде см.: Vanheeswijck, 2014.

³⁹П. Сноудон полагает, что Стросон не придерживается своего деления на два вида метафизик где-либо вне «Индивидов» и что само по себе различие не является фундаментальным для его взглядов (Snowdon, 2008: 176), однако можно обратить внимание на то, что противопоставление пересматривающих и дескриптивных проектов характерно и для многих других работ Стросона. В статье М. Д. Евстигнеева (Евстигнеев, 2023) показывается, как это стросоновское деление трансформировалось в его позднем творчестве. Также можно отметить, как Стросон в «Конструкции и анализе» обсуждает напряжение между желанием понять, как нечто существует, и желанием улучшить его (Strawson, 1956: 110). Также и в обсуждении логической теории Стросон дистанцирует себя от современных логик, указывая, что его целью является описание функционирования языка, а не конструкция искусственной логической системы. Особенно ярко это проявляется в полемике с У. Селларсом (Strawson, 1954a: 231).

американской версии анализа, а также от «божественной философии», составляющей «систематическую рефлексию над человеческой ситуацией [...] порой способную открыть новые перспективы на жизнь и опыт»⁴⁰; философии, представляемой людьми вроде М. Хайдеггера, Ф. Ницше и Ж.-П. Сартра (Strawson, 1992a: 2).

Чтобы точнее объяснить отличие своего проекта от проектов Райла и Витгенштейна, Стросон прибегает к «столкновению метафор». Он начинает с метафоры картографии, отмечая ее достоинства:

...карта или диаграмма снабжают нас представлением некоторой области. Представлением, которое в некоторой мере абстрактно и таково, что мы не имеем с ним дело в нормальных условиях восприятия (ibid.: 3; Strawson, 1973: 800).

Иными словами, карта дает нам доступ к тому, что эксплицитно не содержится в обыденном опыте ориентирования на местности. И этим удовлетворяет стросоновскому желанию искать скрытую концептуальную структуру.

Однако Стросон опасается, что, несмотря на свою наглядность и понятность, эта метафора не продвигает нас далеко в понимании того, что значит заниматься философским анализом.

Если мы отбросим метафорические элементы, то останемся, пожалуй, только с понятием абстрактного представления некоторых отношений между некоторыми понятиями, созданными для некоторой цели. Но между какими понятиями, какими отношениями, какими целями? — На данный момент все это остается неопределенным (Strawson, 1992a: 3; Strawson, 1973: 800–801).

Карты могут быть очень разными по своей задаче: геологическими, картами маршрутов автобусов, метро, высот, летными картами. С некоторой точки зрения метафора карты может быть применена вообще к любому концептуальному анализу. В ней нет ничего специфичного.

Примечательно, что сам Стросон во «Введении в логическую теорию» обращался к метафоре составления карт, чтобы показать несостоятельность анализа обыденного языка с помощью современной математической логики.

Формальный логик по отношению к обыденному языку может быть сравнен с человеком, якобы размечающим фрагмент территории, чьи основные

⁴⁰Во французском варианте лекций Стросон говорит «новые моральные перспективы», еще более подчеркивая «экзистенциальный» характер такой философии (Strawson, 1985a: 8).

очертания очень нерегулярны и подвижны. Но человек страстно привязан к геометрии и настаивает на использовании в своих чертежах только геометрических фигур, для которых могут быть даны правила построения; и на использовании настолько малого количества таких правил, насколько это возможно⁴¹. Очевидно, его карты никогда не будут хорошо подходить [к тому, картами чего они являются] (Strawson, 2011a: 58).

П. Гич подверг эту метафору критике, похожей на ту, которую сам Стросон выдвинул в отношении Райла:

Один из них, насколько я помню, сравнил формальных логиков с составителями карт, которые должны пытаться разметить все конструируемыми геометрическими фигурами. Без сомнения, он забыл, что в действительности территории размечаются с помощью триангуляции⁴² (Geach, 1980: 10).

Аналогия карты слишком поливалентна, чтобы с ее помощью объяснить особенность философского анализа: ей можно придавать очень разнообразные трактовки, она слишком неспецифична⁴³.

В то же время достаточная специфичность может быть найдена в аналогии с грамматикой. Она обладает всеми достоинствами картографической метафоры, но, согласно Стросону, освобождена от ее недостатков. Все люди, способные говорить на языке, делают это в согласии с правилами грамматики. Однако, *владея* грамматикой, они часто могут быть неспособны ее эксплицировать. Способность использовать выражение вовсе не предполагает умения дать общее описание случаев, в которых выражения такого типа следует употреблять (ср. Grice, 1991: 174). Грамматическая метафора также позволяет отдать должное тому факту⁴⁴, что анализ обыденного языка — это не квазисоциологическое исследование наподобие современной *экспериментальной философии* (см. Knobe & Nichols, 2007). Оно априорно и опирается на некоторую версию аналитичности: связь между понятиями должна быть в каком-то

⁴¹Ср.: «В философии я всегда желал продвигаться с наименьшим возможным набором инструментов (*apparatus*)» (Russell, 2010: 53–54).

⁴²«Не думаю, что нам следует смириться и начать рисовать импрессионистские картины нерегулярных ландшафтов. Давайте посмотрим, как небольшая триангуляция территории отразится на способах составления карт» (Geach, 1980: 128).

⁴³Впрочем, и сам Райл признавал, что метафоре карты можно придавать очень разные трактовки (см. Ryle, 2009e: 270–271).

⁴⁴Являющемуся центральным для райловского (и стросоновского) взгляда на понятие «обыденного языка» (см. Ryle, 1953; ср. Grice, 1991: 175).

смысле необходимой⁴⁵. Так и составление грамматического пособия не сводится просто к количественному исследованию разнообразных способов употреблять слова, скорее оно нацелено на экспликацию некоторого набора правил, по которым функционирует язык.

Так же дело обстоит и с метафизикой. Мы можем успешно оперировать разнообразными понятиями, не будучи способными дать ответ, почему мы используем их так, а не иначе. В таком случае задача метафизика состоит в разработке ответа на этот вопрос, который, в согласии с обсуждаемой аналогией, принимает вид систематической теории о функционировании некоторых фундаментальных видов понятий.

Аналогию можно развернуть и немного в другую сторону. Эксплицируя концептуальную схему, дабы показать необходимость некоторых понятий и положений, философ предпринимает своеобразные мысленные эксперименты, состоящие в попытке представить, какими бы были наш опыт и концептуальная схема, если бы эти понятия и положения не имели места. Эта техника выходит за пределы простого описания функционирования понятий, она имажинативна. Но при этом она дает возможность высветить некоторый каркас понятий, необходимый для нашего мышления. Составитель грамматики отчасти руководствуется схожим методом, пытаясь посредством варьирования различных способов употребления слов и предложений эксплицировать грамматический каркас языка, в рамках которого это варьирование осуществляется.

Систематическое исследование фундаментальной грамматики нашего мышления отличается от витгенштейновской терапии в первую очередь духом (Strawson, 1992a: 9). Грамматическая аналогия содержит в себе идею системы, которую мы можем добавить к нашему обыденному употреблению слов и выражений. Терапевтический проект совершенно не заинтересован в построении систематических объяснений, если только это не способствует непосредственно освобождению от недуга. Стросон же именно в них и заинтересован, что и подчеркивает его метафилософская аналогия.

Но какую роль выполняет эта система? Если бы Стросон детальнее разработал свою аналогию, он мог бы заметить, что грамматическое исследование обладает некоторой двойственностью. С одной стороны, оно описывает реальное употребление языка. С другой стороны, оно

⁴⁵Хотя необходимость и не должна быть дедуктивной. Не следует применять к естественному языку стандарты искусственного (см. Грайс и Стросон, Долгоруков, 2012; ср. Searle, 1969: 5-6).

занимает не только дескриптивную, но и нормативную позицию по отношению к последнему, например, эксплицитно заявляет, что такие-то и такие-то предложения не являются грамматически корректными.

Два этих аспекта также присутствуют и в философии Стросона. Особенно ярко они проявляются в отношении скептицизма. Так, его дескриптивный проект показывает, что некоторые типы скептицизма не валидны, так как они ставят под сомнение саму концептуальную схему, в рамках которой и могут быть сформулированы (Strawson, 2003: 40). Получается, что систематическое описание концептуальной схемы также является и способом демонстрации ложности претензий некоторых пересматривающих проектов.

С определенной точки зрения написание пособия по грамматике может включать некоторую степень ревизионизма. Она состоит в принятии решений, которые призваны упорядочить разнообразие употребления слов, при этом руководствуясь некоторой идеей связности и полноты. Тогда может оказаться, что грамматическая аналогия позволяет сконструировать «стросоновский ревизионизм», являющийся мягкой попыткой подправить обыденное употребление слов и выражений, правда, с точки зрения самого этого обыденного употребления. В духе: «если бы люди были последовательны, то они бы говорили так, а не так» (см. Vargas, 2004). Можно даже предположить, что такой взгляд «вшит» в саму идею исследования обыденного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позиции наших философов можно расположить на «шкале систематичности», где Стросон представляет систематический полюс, Витгенштейн — антисистематический, а Райл находится где-то посередине (хотя, возможно, и ближе к систематическому полюсу). Несмотря на различное положение на нашей шкале, каждый из проектов в конечном счете сталкивается с вопросом: насколько последовательно реализуется заявляемая им аналитическая программа. Насколько анализ оставляет все таким, «каким оно было»?

В случае Райла анализ ментального словаря в «Понятии ума» в итоге выливается не в экспликацию нашей обыденной концептуальной схемы, а в нечто, как будто ей противоречащее. Так, основываясь на райловском анализе, Селларс конструирует «наших райловских предшественников», говорящих на языке, кардинально отличающемся от нашего, — на языке, лишенном обращения к «внутренним эпизодам» (Селларс, Рогонян,

2021: 118–121, 130–145). Дэвидсон же вообще отмахивается от его решения на том основании, что оно отрицает очевидный с точки зрения здравого смысла факт — асимметрию между первым и третьим лицом (Davidson, 2001: 6). Более того, Райл во многом, несмотря на попытки отвести от себя этот ярлык (Ryle, 2009k: 300), ассоциируется с бихевиоризмом (см. Ullin, 1999), с программой, которая воспринимается как противостоящая обыденным способам выражения. Так для какой же местности Райл действительно составил карту?

Избирая терапевтическую метафору, Витгенштейн отказывается от претензий на систематическое описание использования языка. Даже когда он рассуждает об анализе как о картографии, он считает концептуальные карты чем-то временным, в полной мере не поддающимся систематическому описанию. То же и в случае с грамматикой⁴⁶. Если Витгенштейн времен «Трактата» претендует на демонстративную экспликацию логической структуры мира, то фиксируемая им в позднем творчестве грамматика обыденного языка становится слишком нестабильной и едва ли уловимой даже для демонстративного постижения. Более того, радикальный антисистематический подход Витгенштейна ставит под вопрос саму возможность адекватной реализации процедуры анализа. Ведь если для каждой языковой игры справедливо, что ее правила не являются строго зафиксированными, а кроме того, всегда возможно выделить альтернативные их наборы, можем ли мы быть уверенными в успешности реализуемой аналитической процедуры?

Метафора Стросона как раз предлагает модель, в которой в этом многообразии способов употреблять выражения есть ядро, без которого последние едва ли были бы осмысленными. И это ядро можно систематически описать. Вместе с тем возникает вопрос, на который Стросон, по-видимому, не был готов отвечать: насколько действительно *дескриптивен* этот проект, не ищет ли он системности, которая просто не присутствует (даже имплицитно) в наших речевых практиках?⁴⁷ Стросоновского анализа может быть достаточно для ограничения скептицизма, но не оказывается ли Стросон в том же положении, в котором обвиняет своих оппонентов, — в положении человека, пересматривающего

⁴⁶ «Страна, о которой мы говорим, — это язык, а география — его грамматика. Мы вполне можем прогуливаться по этой стране, но когда нас заставляют сделать карту, у нас не получается» (Витгенштейн, Суровцев, 2015d: 103).

⁴⁷ Примечательно, что в попытке защитить «connective analysis» от критики Т. Уильямсона П. Триподи исходит из того, что анализ Витгенштейна и Стросона *только дескриптивен* (Tripodi, 2011: 7). Ответ Уильямсона см.: Williamson, 2022: 560–562.

наши концептуальные практики, пытающегося научить нас «правильно говорить»?

ЛИТЕРАТУРА

- Вайсман Ф. Витгенштейн и Венский кружок / пер. с нем. В. В. Анашвили // Аналитическая философия: становление и развитие / под ред. А. Ф. Грязнова. — М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 44–68.
- Витгенштейн Л. Лекции : Кембридж 1930–1932. По записям Дж. Кинга и Д. Ли / пер. с англ. Т. Михайловой // Людвиг Витгенштейн : человек и мыслитель / под ред. В. П. Руднева. — М. : Прогресс Культура, 1993. — С. 273–310.
- Витгенштейн Л. Культура и ценность / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994а. — С. 406–492.
- Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994b. — С. 75–319.
- Витгенштейн Л. Голубая книга / пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина // Голубая и коричневая книги : предварительные материалы к «Философским исследованиям» / под ред. В. В. Иткина, Е. В. Афонасина, Т. П. Пановой. — Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2008. — С. 25–115.
- Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / под ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015а.
- Витгенштейн Л. Заметки по логике / пер. с англ. В. А. Суровцева // Дневники 1914–1916 / под ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015b. — С. 223–242.
- Витгенштейн Л. Заметки, продиктованные Дж. Э. Муру в Норвегии / пер. с англ. В. А. Суровцева // Дневники 1914–1916 / под ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015с. — С. 177–196.
- Витгенштейн Л. Из лекций Л. Витгенштейна 1932–1935 гг. / пер. с англ. В. А. Суровцева // О Витгенштейне / под ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015d. — С. 102–157.
- Витгенштейн Л. Некоторые замечания о логической форме / пер. с англ. В. А. Суровцева // Дневники 1914–1916 / под ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015е. — С. 321–330.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Д. Г. Лахути, И. С. Доброзраова. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017.
- Витгенштейн Л. Заметки о цвете (избранные фрагменты) / пер. с нем. А. С. Ильиной // Вопросы философии. — 2020. — № 6. — С. 157–168.
- Грайс Г. П., Стросон П. Ф. В защиту догмы / пер. с англ. В. В. Долгорукова // Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. 32, № 2. — С. 206–223.

- Декарт Р.* Страсти души / пер. с фр. А.К. Сынопалова // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред., примеч. В.В. Соколова ; сост. В.В. Соколова ; пер. с лат., с фр. С.Я. Шейман-Топштейн. — М. : Мысль, 1989. — С. 481–572. — (Философское наследие ; 106).
- Евстигнеев М.Д.* П.Ф. Стросон : от Юма к Канту и обратно // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2023. — Т. 27, № 3. — С. 644–658.
- Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / под ред. В. Анашвили ; пер. с англ. А. Васильевой. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Родин К.* Этическое прочтение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 1. — С. 31–39.
- Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания / под ред. Л.Б. Макеевой ; пер. с англ. Г.С. Рогоняна. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021.
- Суровцев В.* Автономия логики : Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. — М. : Ленанд, 2021.
- Сысоев М.* Модульная теория разума / Большая российская энциклопедия. — 2023. — URL: <https://bigenc.ru/c/modul-naia-teoriia-razuma-1a4cc4/?v=7491904>.
- A Statement of Policy / A. E. Duncan-Jones, L. S. Stebbing, C. A. Mace, G. Ryle // Analysis. — 1933. — Vol. 1, no. 1. — P. 1–2.
- Austin J. L.* Intelligent Behaviour // Ryle / O. P. Wood, G. Pitcher. — London : Macmillan, 1970. — P. 45–52.
- Baker G. P.* Wittgenstein's Method : Neglected Aspects. — Malden, MA : Blackwell, 2004.
- Bouwtsma O. K.* Wittgenstein : Conversations 1949–1951. — Indianapolis : Hackett, 1984.
- Davidson D.* First Personal Authority // Subjective, Intersubjective, Objective. — Oxford : Clarendon Press, 2001. — P. 3–14.
- Geach P. T.* Reference and Generality : An Examination of Some Medieval and Modern Theories. — 3rd ed. — London : Cornell University Press, 1980.
- Glock H.-J.* Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? // Metaphilosophy. — 2004. — Vol. 35, no. 4. — P. 419–444.
- Goldstein L.* How Original a Work is the Tractatus Logico-Philosophicus? // Philosophy. — 2002. — Vol. 77, no. 3. — P. 421–446.
- Grice P.* Postwar Oxford Philosophy // Studies in the Way of Words. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1991. — P. 171–180.
- Hacker P. M. S.* On Strawson's Rehabilitation of Metaphysics // Strawson and Kant / ed. by H.-J. Glock. — New York : Oxford University Press, 2003. — P. 43–66.
- Hutchinson P.* What's the Point of Elucidation? // Metaphilosophy. — 2007. — Vol. 38, no. 5. — P. 691–713.

- Knobe J., Nichols S.* An Experimental Philosophy Manifesto // *Experimental Philosophy* / ed. by J. Knobe, S. Nichols. — New York : Oxford University Press, 2007. — P. 3–14.
- Krishnan N.* A Terribly Serious Adventure : Philosophy at Oxford 1900–60. — New York : Oxford University Press, 2023.
- Mácha J.* Wittgenstein on Internal and External Relations : Tracing All the Connections. — London : Bloomsbury Academic, 2015.
- Peterman J. F.* Philosophy as Therapy : An Interpretation and Defense of Wittgenstein's Later Philosophical Project. — Albany : State University of New York Press, 1992.
- Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. — Princeton : Princeton University Press, 2018.
- Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism. — London, New York : Routledge Classics, 2010.
- Ryle G.* Ordinary Language // *Philosophical Review*. — 1953. — Vol. 62, no. 2. — P. 167–186.
- Ryle G.* Intelligent Behaviour // *Ryle* / O. P. Wood, G. Pitcher. — London : Macmillan, 1970. — P. 45–52.
- Ryle G.* Categories // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 2. — New York : Routledge, 2009a. — P. 178–193.
- Ryle G.* *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 1. — New York : Routledge, 2009b.
- Ryle G.* *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 2. — New York : Routledge, 2009c.
- Ryle G.* John Locke on the Human Understanding // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 1. — New York : Routledge, 2009d. — P. 132–153.
- Ryle G.* Ludwig Wittgenstein // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 1. — New York : Routledge, 2009e. — P. 258–266.
- Ryle G.* Phenomenology versus “The Concept of Mind” // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 1. — New York : Routledge, 2009f. — P. 186–204.
- Ryle G.* Philosophical Arguments // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 2. — New York : Routledge, 2009g. — P. 203–221.
- Ryle G.* Review of Ludwig Wittgenstein : “Remarks on the Foundations of Mathematics” // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 1. — New York : Routledge, 2009h. — P. 267–277.
- Ryle G.* Systematically Misleading Expressions // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 2. — New York : Routledge, 2009i. — P. 41–65.
- Ryle G.* Taking Sides in Philosophy // *Collected Papers*. In 2 vols. Vol. 2. — New York : Routledge, 2009j. — P. 160–177.
- Ryle G.* The Concept of Mind : 60th Anniversary Edition. — New York : Routledge, 2009k.
- Searle J. R.* Speech Acts : An Essay in the Philosophy of Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.

- Sellars W. S.* Philosophy and the Scientific Image of Man // Science, Perception, and Reality. — Atascadero : Ridgeview Publishing Company, 1991. — P. 1–40.
- Snowdon P. F.* Strawson on Philosophy — Three Episodes // South African Journal of Philosophy. — 2008. — Vol. 27, no. 3. — P. 167–178.
- Stern D.* How Many Wittgensteins? // Wittgenstein : The Philosopher and His Works / ed. by A. Pichler, S. Säätelä. — Bergen : Allkopi, 2005. — P. 164–179.
- Strawson P. F.* On Referring // Mind. New Series. — 1950. — Vol. 59, no. 235. — P. 320–344.
- Strawson P. F.* A Reply to Mr. Sellars // The Philosophical Review. — 1954a. — Vol. 63, no. 2. — P. 216–231.
- Strawson P. F.* Critical Notice : Philosophical Investigations. By Ludwig Wittgenstein // Mind. — 1954b. — Vol. 63, no. 249. — P. 70–99.
- Strawson P. F.* Construction and Analysis // The Revolution in Philosophy. — London : Macmillan, 1956. — P. 97–110.
- Strawson P. F.* Carnap's Views on Constructed Systems Versus Natural Languages in Analytic Philosophy // The Philosophy of Rudolf Carnap / ed. by P. A. Schilpp. — La Salle : Open Court, 1963. — P. 503–518.
- Strawson P. F.* The Bounds of Sense : An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. — London : Routledge, 1966.
- Strawson P. F.* Different Conceptions of Analytical Philosophy // Tijdschrift voor Filosofie. — 1973. — No. 4. — P. 800–834.
- Strawson P. F.* Analyse et métaphysique : une série de leçons donnée au Collège de France en mars 1985. — Paris : Vrin, 1985a.
- Strawson P. F.* Skepticism and Naturalism : Some Varieties. — New York : Cambridge University Press, 1985b.
- Strawson P. F.* Analysis and Metaphysics : An Introduction to Philosophy. — New York : Oxford University Press, 1992a.
- Strawson P. F.* Analysis, Science and Metaphysics // The Linguistic Turn : Essays in Philosophical Method / ed. by R. Rorty. — Chicago : The University of Chicago Press, 1992b. — P. 312–320.
- Strawson P. F.* Intellectual Autobiography of P. F. Strawson // The Philosophy of P. F. Strawson / ed. by L. E. Hahn. — Chicago, LaSalle : Open Court, 1998. — P. 3–22.
- Strawson P. F.* Individuals : An Essay in Descriptive Metaphysics. — London, New York : Routledge, 2003.
- Strawson P. F.* Introduction to Logical Theory. — New York : Routledge, 2011a.
- Strawson P. F.* The Post-Linguistic Thaw // Philosophical Writings / ed. by G. Strawson, M. Montague. — Oxford : Oxford University Press, 2011b. — P. 71–78.
- Strawson P. F.* Two Conceptions of Philosophy // Philosophical Writings / ed. by G. Strawson, M. Montague. — Oxford : Oxford University Press, 2011c. — P. 165–177.

- Tanney J.* Rethinking Ryle : A Critical Discussion of The Concept of Mind // The Concept of Mind : 60th Anniversary Edition / G. Ryle. — New York : Routledge, 2009. — P. ix–lvii.
- Tanney J.* Ryle's Conceptual Cartography // The Historical Turn in Analytic Philosophy / ed. by E. H. Reck. — New York : Palgrave Macmillan, 2013. — P. 94–112.
- The Davidson, Quine and Strawson Panel [1977] / YouTube. — 2021. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RjwY1vGBW4Y>.
- Tripodi P.* Peter, Stephen ... and Ludwig // Analisi. Annuario della Società Italiana di Filosofia Analitica (SIFA). — 2011. — P. 103–115.
- Ullin T. P.* Ryle's Behaviorism // Handbook of Behaviorism / ed. by W. O'Donohue, R. Kitchener. — Amsterdam : Elsevier, 1999. — P. 361–398.
- Vanheeswijck G.* The Kantian Heritage of R. G. Collingwood and P. F. Strawson : Two Varieties of Descriptive Metaphysics // History of Philosophy Quarterly. — 2014. — Vol. 31, no. 3. — P. 271–292.
- Vargas M.* Revisionism and the Aims of Theory : Strawson and Revisionism // Pacific Philosophical Quarterly. — 2004. — Vol. 85, no. 2. — P. 218–241.
- Williams B., Magee B.* The Spell of Linguistic Philosophy [1977] / YouTube. — 2022. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9ztLmWv1S1c>.
- Williamson T.* The Philosophy of Philosophy. — 2nd ed. — Wiley Blackwell, 2022.

Filatov, G. Yu., and M. D. Evstigneev. 2025. "Grammatika, karta, terapiya [Grammar, Map and Therapy]: metafori filosofskogo analiza v tvorchestve L. Vitgenshteyna, G. Rayla i P. F. Strosona [Metaphors of Philosophical Analysis in Wittgenstein, Ryle and Strawson]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (3), 89–123.

GEORGY FILATOV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

RESEARCH FELLOW

INTERNATIONAL LABORATORY FOR LOGIC, LINGUISTICS AND FORMAL PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2477-8864

MAKSIM EVSTIGNEEV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

RESEARCH FELLOW

INTERNATIONAL LABORATORY FOR LOGIC, LINGUISTICS AND FORMAL PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-1391-4517

GRAMMAR, MAP AND THERAPY

METAPHORS OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

IN WITTGENSTEIN, RYLE AND STRAWSON

Submitted: May 02, 2024. Reviewed: Mar. 20, 2025. Accepted: Aug. 20, 2025.

Abstract: This paper is dedicated to the concept of philosophical analysis in work of three classics of analytic philosophy: Ryle, Strawson and Wittgenstein. These philosophers, as many in their generations, believe that philosophical analysis does not bring forth new knowledge, it simply brings clarity into our ways of speaking. However, despite the main stream of analytical philosophy of 20th century, they take metaphors that philosophers use seriously. They use it to make “moves” in the argument and explain with the help of different metaphilosophical metaphors their general philosophical approach. Their projects differ in goals, style, and also in key metaphilosophical metaphors by which our philosophers explain what they are doing. Ryle compares philosophical analysis with a work of a cartographer. This metaphor allows him to formulate the doctrine of analysis in a form of conceptual geography. Wittgenstein, in contrast, despite the fact of using the map-metaphor, makes a metaphor of therapy the central metaphor of his metaphilosophy. A philosophical problem is a disease that needs to be cured. Strawson opposes the metaphors and conceptions of Ryle and Wittgenstein. He does it by introducing a third metaphor. Philosophy is now analogous to a study of language grammar. The goal of such grammatical philosophy is to explicate the fundamental conceptual scheme of our thinking about the world. According to Strawson, there is a possibility of systematic analytical philosophy, and his metaphor offers a way to think about it. Wittgenstein, in contrast, discards any attempt to do analysis in a systematic way, while Ryle stays somewhere in the middle. Our reconstruction not only explicates these metaphilosophical differences, but also allows us to pay attention to the fact that, as it seems to be, all three philosophers transcend their own “official” formulations of a doctrine of analysis.

Keywords: Strawson, Ryle, Wittgenstein, Metaphilosophy, Analysis, Ordinary Language.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-89-123.

REFERENCES

- Austin, J. L. 1970. "Intelligent Behaviour." In *Ryle*, by O. P. Wood and G. Pitcher, 45–52. London: Macmillan.
- Baker, G. P. 2004. *Wittgenstein's Method: Neglected Aspects*. Malden, MA: Blackwell.
- Bouwmsma, O. K. 1984. *Wittgenstein: Conversations 1949–1951*. Indianapolis: Hackett.
- Davidson, D. 2001. "First Personal Authority." In *Subjective, Intersubjective, Objective*, 3–14. Oxford: Clarendon Press.
- Descartes, R. 1989. "Strasti dushi [Les passions de l'âme]" [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, ed. and annot. by V. V. Sokolov, comp. V. V. Sokolov, trans. from the French by A. K. Synopalov, 481–572. 2 vols. *Filosofskoye naslediye* 106. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Duncan-Jones, A. E., et al. 1933. "A Statement of Policy." *Analysis* 1 (1): 1–2.
- Geach, P. T. 1980. *Reference and Generality: An Examination of Some Medieval and Modern Theories*. 3rd ed. London: Cornell University Press.
- Glock, H.-J. 2004. "Was Wittgenstein an Analytic Philosopher?" *Metaphilosophy* 35 (4): 419–444.
- Goldstein, L. 2002. "How Original a Work is the Tractatus Logico-Philosophicus?" *Philosophy* 77 (3): 421–446.
- Grice, H. P., and P. F. Strawson. 2012. "V zashchitu dogmy [In Defense of a Dogma]" [in Russian], trans. from the English by V. V. Dolgorukov. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 32 (2): 206–223.
- Grice, P. 1991. "Postwar Oxford Philosophy." In *Studies in the Way of Words*, 171–180. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Hacker, P. M. S. 2003. "On Strawson's Rehabilitation of Metaphysics." In *Strawson and Kant*, ed. by H.-J. Glock, 43–66. New York: Oxford University Press.
- Hutchinson, P. 2007. "What's the Point of Elucidation?" *Metaphilosophy* 38 (5): 691–713.
- Knobe, J., and S. Nichols. 2007. "An Experimental Philosophy Manifesto." In *Experimental Philosophy*, ed. by J. Knobe and S. Nichols, 3–14. New York: Oxford University Press.
- Krishnan, N. 2023. *A Terribly Serious Adventure: Philosophy at Oxford 1900–60*. New York: Oxford University Press.
- Mácha, J. 2015. *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing All the Connections*. London: Bloomsbury Academic.
- Monk, R. 2018. *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]* [in Russian]. Ed. by V. Anashvili. Trans. from the English by A. Vasil'yeva. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Peterman, J. F. 1992. *Philosophy as Therapy: An Interpretation and Defense of Wittgenstein's Later Philosophical Project*. Albany: State University of New York Press.
- Rodin, K. 2021. "Eticheskoye prochtenie 'Logiko-filosofskogo traktata' L. Vitgenshteyna [Ethical Reading of the Tractatus Logico-Philosophicus]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 58 (1): 31–39.
- Rorty, R. 2018. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.
- Russell, B. 2010. *The Philosophy of Logical Atomism*. London and New York: Routledge Classics.
- Ryle, G. 1953. "Ordinary Language." *Philosophical Review* 62 (2): 167–186.
- . 1970. "Intelligent Behaviour." In *Ryle*, by O. P. Wood and G. Pitcher, 45–52. London: Macmillan.
- . 2009a. Vol. 1 of *Collected Papers*. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009b. Vol. 2 of *Collected Papers*. 2 vols. New York: Routledge.

- . 2009c. "Categories." In vol. 2 of *Collected Papers*, 178–193. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009d. "John Locke on the Human Understanding." In vol. 1 of *Collected Papers*, 132–153. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009e. "Ludwig Wittgenstein." In vol. 1 of *Collected Papers*, 258–266. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009f. "Phenomenology versus 'The Concept of Mind'." In vol. 1 of *Collected Papers*, 186–204. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009g. "Philosophical Arguments." In vol. 2 of *Collected Papers*, 203–221. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009h. "Review of Ludwig Wittgenstein: 'Remarks on the Foundations of Mathematics'." In vol. 1 of *Collected Papers*, 267–277. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009i. "Systematically Misleading Expressions." In vol. 2 of *Collected Papers*, 41–65. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009j. "Taking Sides in Philosophy." In vol. 2 of *Collected Papers*, 160–177. 2 vols. New York: Routledge.
- . 2009k. *The Concept of Mind: 60th Anniversary Edition*. New York: Routledge.
- Searle, J. R. 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sellars, W. S. 1991. "Philosophy and the Scientific Image of Man." In *Science, Perception, and Reality*, 1–40. Atascadero: Ridgeview Publishing Company.
- . 2021. *Empirizm i filosofiya soznaniya [Empiricism and the Philosophy of Mind]* [in Russian]. Ed. by L. B. Makeyeva. Trans. from the English by G. S. Rogonyan. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Snowdon, P. F. 2008. "Strawson on Philosophy—Three Episodes." *South African Journal of Philosophy* 27 (3): 167–178.
- Stern, D. 2005. "How Many Wittgensteins?" In *Wittgenstein : The Philosopher and His Works*, ed. by A. Pichler and S. Säätelä, 164–179. Bergen: Allkopi.
- Strawson, P. F. 1950. "On Referring." *Mind. New Series* 59 (235): 320–344.
- . 1954a. "A Reply to Mr. Sellars." *The Philosophical Review* 63 (2): 216–231.
- . 1954b. "Critical Notice: Philosophical Investigations. By Ludwig Witgenstein." *Mind* 63 (249): 70–99.
- . 1956. "Construction and Analysis." In *The Revolution in Philosophy*, 97–110. London: Macmillan.
- . 1963. "Carnap's Views on Constructed Systems Versus Natural Languages in Analytic Philosophy." In *The Philosophy of Rudolf Carnap*, ed. by P. A. Schilpp, 503–518. La Salle: Open Court.
- . 1966. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London: Routledge.
- . 1973. "Different Conceptions of Analytical Philosophy." *Tijdschrift voor Filosofie*, no. 4, 800–834.
- . 1985a. *Analyse et métaphysique: une série de leçons donnée au Collège de France en mars 1985* [in French]. Paris: Vrin.
- . 1985b. *Skepticism and Naturalism: Some Varieties*. New York: Cambridge University Press.
- . 1992a. *Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy*. New York: Oxford University Press.

- . 1992b. "Analysis, Science and Metaphysics." In *The Linguistic Turn : Essays in Philosophical Method*, ed. by R. Rorty, 312–320. Chicago: The University of Chicago Press.
- . 1998. "Intellectual Autobiography of P. F. Strawson." In *The Philosophy of P. F. Strawson*, ed. by L. E. Hahn, 3–22. Chicago and LaSalle: Open Court.
- . 2003. *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics*. London and New York: Routledge.
- . 2011a. *Introduction to Logical Theory*. New York: Routledge.
- . 2011b. *Philosophical Writings*. Ed. by G. Strawson and M. Montague. Oxford: Oxford University Press.
- . 2011c. "The Post-Linguistic Thaw." In *Philosophical Writings*, ed. by G. Strawson and M. Montague, 71–78. Oxford: Oxford University Press.
- . 2011d. "Two Conceptions of Philosophy." In *Philosophical Writings*, ed. by G. Strawson and M. Montague, 165–177. Oxford: Oxford University Press.
- Surovtsev, V. 2021. *Autonomiya logiki [Autonomy of Logic]: Istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna [Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Lenand.
- Sysoyev, M. 2023. "Modul'naya teoriya razuma [Modular Theory of Mind]" [in Russian]. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. <https://bigenc.ru/c/modul-naia-teoriia-razuma-1a4cc4/?v=7491904>.
- Tanney, J. 2009. "Rethinking Ryle: A Critical Discussion of The Concept of Mind." In *The Concept of Mind : 60th Anniversary Edition*, by G. Ryle, ix–lvii. New York: Routledge.
- . 2013. "Ryle's Conceptual Cartography." In *The Historical Turn in Analytic Philosophy*, ed. by E. H. Reck, 94–112. New York: Palgrave Macmillan.
- "The Davidson, Quine and Strawson Panel [1977]." 2021. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=RjwY1vGBW4Y>.
- Tripodi, P. 2011. "Peter, Stephen ... and Ludwig." *Analisi. Annuario della Società Italiana di Filosofia Analitica (SIFA)*, 103–115.
- Ullin, T. P. 1999. "Ryle's Behaviorism." In *Handbook of Behaviorism*, ed. by W. O'Donohue and R. Kitchener, 361–398. Amsterdam: Elsevier.
- Vanheeswijck, G. 2014. "The Kantian Heritage of R. G. Collingwood and P. F. Strawson: Two Varieties of Descriptive Metaphysics." *History of Philosophy Quarterly* 31 (3): 271–292.
- Vargas, M. 2004. "Revisionism and the Aims of Theory: Strawson and Revisionism." *Pacific Philosophical Quarterly* 85 (2): 218–241.
- Waismann, F. 1998. "Vitgenshteyn i Venskiy kruzhok [Wittgenstein und der Wiener Kreis]" [in Russian]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniye i razvitiye [Analytic Philosophy: Reader]*, ed. by A. F. Gryaznov, trans. from the German by V. V. Anashvili, 44–68. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Progress-Traditsiya [Intellectual Book House and Progress-Tradition Press].
- Williams, B., and B. Magee. 2022. "The Spell of Linguistic Philosophy [1977]." YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=9ztLmWv1S1c>.
- Williamson, T. 2022. *The Philosophy of Philosophy*. 2nd ed. Wiley Blackwell.
- Wittgenstein, L. 1993. "Lektsii [Wittgenstein's Lectures]: Kembriidzh 1930–1932. Po zapisyam Dzh. Kinga i D. Li [Cambridge, 1930–1932. From the Notes of John King and Desmond Lee]" [in Russian]. In *Lyudvig Vitgenshteyn [Ludwig Wittgenstein] : chelovek i myslitel' [The Man and the Thinker]*, ed. by V. P. Rudnev, trans. from the English by T. Mikhaylova, 273–310. Moskva [Moscow]: Progress Kul'tura.
- . 1994a. [in Russian]. Vol. I of *Filosofskkiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.

- . 1994b. *Filosofskiye issledovaniya [Philosophische Untersuchungen]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 75–319. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 1994c. “Kul'tura i tsennost' [Vermischte Bemerkungen]” [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 406–492. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 2008. “Golubaya kniga [The Blue Book]” [in Russian]. In *Golubaya i korichnevaya knigi [The Blue and Brown Books] : predvaritel'nyye materialy k “Filosofskim issledovaniyam” [Preliminary Studies for “The Philosophical Investigations”]*, ed. by V. V. Itkin, Ye. V. Afonasin, and T. P. Panova, trans. from the English by V. A. Surovtsev and V. V. Itkin, 25–115. Novosibirsk: Sibirskoye universitet-skoye izdatel'stvo [Siberian University Publishing House].
- . 2015a. *Dnevniky 1914–1916 [Notebooks 1914–1916]* [in Russian]. Ed. by V. A. Surovtsev. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2015b. “Iz lektsiy L. Vitgenshteyna 1932–1935 gg. [Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–1935]” [in Russian]. In *O Vitgenshteyne [On Wittgenstein]*, ed. and trans. from the English by V. A. Surovtsev, 102–157. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2015c. “Nekotoryye zamechaniya o logicheskoy forme [Some Remarks on Logical Form]” [in Russian]. In *Dnevniky 1914–1916 [Notebooks 1914–1916]*, ed. and trans. from the English by V. A. Surovtsev, 321–330. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2015d. “Zametki po logike [Notes on Logic]” [in Russian]. In *Dnevniky 1914–1916 [Notebooks 1914–1916]*, ed. and trans. from the English by V. A. Surovtsev, 223–242. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2015e. “Zametki, prodiktovannyye Dzh. E. Muru v Norvegii [Notes Dictated to G. E. Moore in Norway]” [in Russian]. In *Dnevniky 1914–1916 [Notebooks 1914–1916]*, ed. and trans. from the English by V. A. Surovtsev, 177–196. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2017. *Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]* [in Russian]. Trans. from the German by D. G. Lakhuti and I. S. Dobronravov. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2020. “Zametki o tsvete (izbrannyye fragmenty) [Bemerkungen über die Farben]” [in Russian], trans. from the German by A. S. Il'ina. *Voprosy filosofii*, no. 6, 157–168.
- Wood, O. P., and G. Pitcher. 1970. *Ryle*. London: Macmillan.
- Yevstigneyev, M. D. 2023. “P. F. Strosen [Strawson P. F.]: ot Yuma k Kantu i obratno [From Hume to Kant and Back Again]” [in Russian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]* 27 (3): 644–658.